

ТРИБУНА СТАНОВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

О СОЮЗЕ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ г. ВЛАДИВОСТОКА
И ЕГО ГАЗЕТЕ «ТРИБУНА МОЛОДЕЖИ» (1917—1920 гг.)

Элеонора Тихоновна БОНДАРЕВА, журналист

Афанасий Соснин, ветеран гражданской войны писал: «5 декабря 1917 года вожаки молодежи подготовили и провели на стекольном заводе I съезд Союза молодежи Дальнего Востока. Этот съезд прошел под большевистскими лозунгами и призвал молодежь вступать в ряды Красной гвардии»¹. Публикации нынче тридцать лет, но я хорошо помню восторженный трепет, охвативший нас при виде только что вышедшей книги. Афанасий Яковлевич, дорогой и незабвенный! Вы, как никто из нас, знали, что Союз молодежи г. Владивостока вовсе не был филиалом партии большевиков, но московское издание своим столичным авторитетом позволило участникам гражданской войны вытащить Союз из забвения. Примкнув к ним, я немедленно задействовала все краевые средства массовой информации, чтобы как можно больше рассказать о Союзе, достучалась даже в официальную партийную «Правду», после чего перед опальным СРМ распахнулись двери прессы.

А с каким наслаждением уцелевшие от битвы сэрээмовцы бранили историков, уличавших Союз в анархизме, меньшевизме и прочих «измах» с отрицательными знаками! Нелогичные статьи исследователей были нам, защитникам СРМ, еще как на руку. Большевистские лозунги утверждали мы от лица напечатавшей мемуары Соснина Москвы. Большевистская платформа. Большевистские установки. Но вы-то, Афанасий Яковлевич, знали, что большевизм Союза молодежи был особого толка.

Сейчас, по прошествии тех самых тридцати лет, во второй половине которых пересматривались взгляды на компартию и комсомол, я возвращаюсь к Союзу рабочей молодежи г. Владивостока, чтобы взглянуть на эту организацию объективно. Анархизм? Да. Меньшевизм? Да. Большевистские лозунги? Тоже да. Газета «Трибуна молодежи», которая скорее всего в краевом архиве вряд ли сохранилась по причине крайней ветхости и, пожалуй, в пределах региона существует лишь в фотоварианте, заказанном когда-то Сосниным и унаследованном мною, была трибуной становления юных сил Владивостока и его окрестностей, становления психологического, нравственного и, разумеется, политического.

Один из первых комсомольцев Приморья И. Свиньин вспоминал Владивосток «переходных времен» весьма красноречиво: «Газеты вось-

ми направлений... Напряженное ожидание то одного, то другого переворота... Мундиры чуть ли не всех королевств, империй и республик. Белогвардейцы и партизаны, монархический клуб рядом с митингом левых. Шпики. Взлетающие на воздух поезда... Пропадающие неизвестно куда люди. Бесконечные слухи, которыми, казалось, был пропитан воздух. И полная изолированность от Москвы. А над всем этим интервентский кулак... Таким Владивосток оставался по 1922 год»².

В этой обстановке и действовал Союз молодежи г. Владивостока. Афанасий Соснин, член СРМ, затем командир III комсомольского отряда имени Карла Либкнехта, описал первые шаги Союза: «22 августа 1917 года во Владивостоке проходила демонстрация молодежи у дома Совета (ныне Дом пионеров), где состоялся митинг, который прошел под лозунгами: «Долой войну!», «Вся власть Советам!», «Землю крестьянам!». После митинга демонстрация двинулась к казармам флотского экипажа, где состоялось общее городское собрание молодежи. На этом собрании было избрано общегородское правление Союза в составе Андрея Цапурина, Владимира Доманевского, А. Корнева и др.»³

Третий член правления СРМ в документах и воспоминаниях — то Корнев, то Корнеев, то «А», то «И». Давно, как давно все это было... И надо ли об этом сегодня? Надо, потому что сегодняшний Владивосток еще как похож на тот, из цитаты Свиньины, которую мы привели выше. Свято место пусто не бывает, и из духовной и идейной сумятицы, которая нынче агрессивно царит в нашей России, рано или поздно «вычленился» очередной комсомол и неизбежно повторит с поправкой на время путь формирования, пройденный его далекими, вроде бы совсем не родными ему в текущий момент предшественниками. Должны же мы, наконец, заметить, что Земля вращается по кругу, и сделать из этого для себя более или менее разумные выводы?

Союз молодежи г. Владивостока просуществовал с 1917 по 1920 г. Исследователей у него немного, поскольку идеологические основы этой группы, насчитывавшей с прилегающими к Владивостоку городами и пригородами примерно полторы тысячи человек, сотканы из буквально кричащих противоречий. Не удивительно поэтому, что из публикаций Елены Дудченко⁴ и Ивана Стрюченко⁵ трудно понять, кем же все-таки управлялась организация: большевиками, анархистами или еще кем-то с промежуточным статусом? С одной стороны... С другой... С третьей... Андрей Цапурин, только что с негодованием уличенный Еленой Дудченко в махровом анархизме⁶, уже в следующем абзаце ее статьи возглавляет большевистски настроенную группу — ну могло ли такое быть?

А ведь было! И причиной тому — почти адекватность понятий «коммунизм» и «анархизм» в те годы. Большевистские группы называли себя «коммунистами-анархистами» потому, что анархизм считался на Дальнем Востоке (и не только) «левым коммунизмом» и явлением более революционным, чем просто большевизм. Большевики — за власть Советов. Анархисты — за свержение всяческой власти.

В музее Дальзавода хранится небольшая коллекция суперлевых изданий в диапазоне 1917—1922 гг., в том числе — листовка владивостокской

группы коммунистов-анархистов с текстом под заголовком «О чем говорит учение анархии?», где решительно объясняется странное для современников сочетание «коммунист-анархист». «Наши принципы: а) конфискация имущества; б) от каждого по способностям и каждому по потребностям... мы — коммунисты». Однако: «Уничтожив господ, зачем же оставлять кнут господский, разрушив силу капитала, зачем оставлять его защиту — государство? И потому, и только потому, что мы боремся за величие человека на земле, за его абсолютную свободу, мы — анархисты».

Очень даже характерный момент: владивостокские коммунисты-анархисты, в отличие от столичных и близких к ним, с большевиками состояли в дружбе, разве что при случае журили их слегка за недостаточно остро выраженную левизну. В еженедельном органе Дальневосточной федерации анархистов-коммунистов «Черное знамя» (музей Дальзавода) под лозунгом «Анархия — мать порядка» было отмечено, что с февраля-октября 1917 г. на Дальнем Востоке, равно как и в России в целом, никаких позитивных изменений не произошло, и причиной тому — многопартийность, а она — прямой результат фатальной идеологической всеядности большевиков; упрек, но обтекаемый и деликатный! Зато в органе Донской федерации анархистов-коммунистов в большевистский адрес звучит разнузданная ругань (статья «Заслуженный провал большевиков или меньшевистская тактика большевиков»). В петроградском «Буревестнике» в выступлениях за подписями Чернознаменский, Баян, Пламень и подобными выпренными фамилиями и именами, принятыми в анархических кругах, большевиков обзывают «полугосударственными коммунистами» и «палачами мысли» и противопоставляют коммунистам-анархистам в пользу последних. Здесь же стихотворение:

Мы, анархисты, толпою
Смело и гордо идем,
Твердой рабочей рукою
Черное знамя несем.

В нашей коммуне народной
Будем по-братски мы жить,
В жизни счастливой, свободной
Будем друг друга любить.

Солнце прекрасной зарею
Скоро нас всех озарит,
Скоро над старой землею
Новая жизнь прозвенит.

Насчет «друг друга любить» — хипповые бредни, сказали бы мы сейчас! Эти уж наши утопические грезы о планете, где волки будут кушать не овец, а овес.

Еще одна листовка из владивостокского списка дальзаводской коллекции не бранится и не прожектерствует, но ненавязчиво прибирает к рукам молодое поколение: «Приглашаем на лекцию Двигомирова «Задачи и цели молодежи» в помещении Сибирского флотского экипажа 20 августа. Двигомиров (кажется, Григорий) — это уже

применительно к теме нашего разговора горячо, это совсем рядом с Владимиром Доманевским, пером номер один «Трибуны молодежи». Местный анархизм был особого разлива — смягченный и облагороженный вариант западного, не удивительно поэтому, что в Союзе молодежи, равно как и в многочисленных партиях революционеров постарше, политические противоположности в конечном итоге уживались, и вдруг «перековавшийся» из анархистов в коммунисты Андрей Цапурин в глазах современников скороспелым перебежчиком не выглядел. Очередное подтверждение тому — из рассказа известной революционерки Тамары Михайловны Головниной, начинавшей свою политическую биографию в СРМ: «В Народном доме сидят одни по одну сторону, вторые — по другую, — вспоминает она 28 мая 1974 г. в радио-интервью автору этой статьи. — Те, что с Цапуриным, поют:

Пусть красное знамя
Собой означает
Идею рабочего люда!
На бой он с собой вызывает
Буржуев, царящих повсюду!

Анархисты с Доманевским: — Пусть черное знамя... Были многие тогда за черное знамя, потому что считали анархизм «левее» большевизма. Настя Нешитова все анархисткой себя звала, а почему? Вы, говорит большевикам, хотите сохранить власть — это же форма угнетения! Мы — вообще против власти. Несмотря на теоретические схватки, обе группы работали вместе».

Газета Союза «Трибуна молодежи» (редактор Андрей Цапурин) выходила с перерывами с 1917 по 1920 г. Было напечатано всего четыре номера. Подшивка в краевом архиве Приморья в 1974 г. состояла из трех номеров здешней «Трибуны», да еще одноименная газета, изданная в Николаевске-на-Амуре. Две владивостокские «Трибуны» вышли в 1917 г., третий номер, напечатанный тогда же, остался в полном объеме в подземном лабиринте на Голубинке якобы при попытке Андрея Цапурина спасти тираж от налета. Четвертая наша «Трибуна» вышла в 1920 г. и (вроде бы!) считается предшественником газеты РКСМ «Юный коммунист», досконально исследованной и идейно выдержанной в большевистских параметрах. Но становление предкомсомола отразила не она, а «Трибуна» Цапурина, Доманевского, Корнева и др.

«Трибуна молодежи» № 4, вышедшая в Николаевске-на-Амуре, послужила реальным поводом для обвинения Союза молодежи г. Владивостока в «культурничестве» и мелкобуржуазной аполитичности. Николаевскую «Трибуну» и впрямь выпускали интеллигентные люди, начитанные, с приличным слогом и соглашательскими установками, но так уж вышло, что на разницу в тональности между четвертым номером владивостокской «Трибуны» и четвертым номером николаевской авторы, спустя десятилетия взявшие на себя смелость наконец-то прикоснуться к неизученному пласту, не обратили внимания. Возможно, впрочем, что имел место соцзаказ.

Откуда брались деньги на плохонькую, но все же дефицитную бумагу? Кто печатал здешнюю «Трибуну»?

Оплачивали и печатали поначалу большевики. Первые два номера делала типография «Красного знамени», то уходившая в подполье, то выходящая из него (свидетельствует типографский рабочий Федор Коваль, член Союза молодежи, подписывавший свои материалы в «Трибуне» «товарищ Федя»). Третий номер был «сотворен» сэрээмовцами в собственной нелегальной типографии. Насчет четвертого указано на полосе самой газеты: типография «Далекой окраины».

«Трибуна молодежи» осталась в истории края дискуSSIONным клубом, сценой яростного столкновения мнений, документом эпохи с обнаженными нервами и кипящими страстями.

Наверное, анализ творчества трибунистов надо бы начать с публикаций Андрея Цапурина (редактор и видный партийный деятель вплоть до 1937 г.), но масштаб личности Доманевского куда значительнее, поэтому прежде всего о нем. Бунтарь, боевик, натура «то между тучами и морем... то крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам», из тех, кто самой природой создан для борьбы, для схватки, для бури. Сколько их, таких, пережив революцию и гражданскую войну, не впишутся затем в эпоху строительства социализма в отдельно взятой стране и не найдут себе дела по душе! Доманевский, надо полагать, нашел бы: Бог, существование которого он отрицал, дал ему дар слова. Но долгих лет не дал, зато короткий, длиной всего в восемнадцать лет век-миг этого богоборца был заполнен до отказа. Он не знал сомнений и колебаний, шел «на Вы» и воспевал непогоду. В газете «Черное знамя» от 27 марта 1920 г. его биография: «Владимир Доманевский был из рабочей семьи. Он учился в школе «Муравьев-Амурский», окончивши пять отделений, принял за честный труд в качестве токаря. В начале революции вместе с другими товарищами стал организовывать Союз молодежи, который выпускал свой орган «Трибуну молодежи», где имеются статьи В. Доманевского. Он организовал группу пропагандистов безгосударственного социализма, была издана газета «Молодой бунтарь». После свержения Советской власти он, как и другие революционеры, преследуется правительством, с 1918 г. начинает жить нелегально и еще более активно отдается делу освобождения под черным знаменем анархии. Разгорается партизанская борьба, он и тут в первые же дни начинает работать по добыче оружия для партизанских отрядов и сам уходит в партизаны. Из Новороссии партизаны посылают его обратно в город для добычи оружия и проведения в партизанский отряд городских рабочих. Когда с Ольгинского уезда были разогнаны партизанские отряды, В. Доманевский начинает устанавливать нелегальную типографию, где и было выпущено его воззвание к рабочим и солдатам. Вскоре Володя был достигнут дома шпиком, но благодаря случайности ему удалось бежать. С этого дня за ним был установлен строгий сыск. Выследив его, ищейки сделали засаду на 5-й Рабочей улице, где и произошла схватка между ними и Володей. Был убит шпик и тут же сражен несколькими пулями дорогой наш товарищ».

Произошло это в 1919-м, в октябре. Афанасий Яковлевич Соснин показал мне место схватки: склон сопки вправо от Народного дома, ко-

торый позже стал клубом Ильича, а теперь перешел в ведомство владивостокских казаков. Было все так: Доманевский во время спектакля в исполнении самодеятельных артистов из СРМ возник на сцене и обратился к зрителям с одним из своих воззваний. Жандармы, присутствовавшие в зале, бросились на него, он через потайной ход оказался на улице, где и был ранен «своим» шпиком Михайловым. Упал. Михайлов в надежде захватить Доманевского живым подобрался к раненому вплотную, тот вскочил, выстрелил в Михайлова и снова упал под выстрелами его подоспевших сослуживцев. Василий Тихонович Малышенко, по словам Соснина, близкий друг Доманевского, в 1974 г. уже 97-летний, вспоминал: «Владимир Доманевский был похоронен на Покровском кладбище во Владивостоке рядом с Людмилой Волкенштейн, на памятнике сделали надпись «Убит ищейкой».

Что же касается черного знамени анархии... Знамен в обиходе СРМ было три: собственное зеленое, красное большевистское и черное анархистское. Доманевского, похоже, устраивали все три цвета, поскольку главным для него был сам бунт.

В очерке «За свободу» в первом номере «Трибуны молодежи» душеспасительные разговоры «Володьки» и нескольких молодых ребят, «приехавших из недалежного города, откуда они были высланы за подстрекательство к вооруженному восстанию», кончаются попыткой полиции атаковать крестьян, прерванной оружейным огнем «приехавших». Доманевский, штатный участник левых «эксов», вслух зовет к террору.

Он быстро стал известен в жанре воззвания, ветераны уже в преклонном возрасте с восхищением цитировали его текст с рефреном «Боже праведный!», где Бога гневно клеймили за то, что он допустил первую мировую войну: «Боже праведный! В деспотизме и жестокости ты превосходишь всех тиранов на Земле! «В последней «Трибуне» (12 марта 1920 г.) публикуется воззвание «Ау, свободушка...» (уже после гибели автора с пометкой «Из рукописей»), которое можно считать своего рода ключом к мировоззрению и мироощущению Владимира Доманевского:

«...Море знамен, море ярко-красных знамен и плакатов. Отовсюду несутся волшебные аккорды вечно юной «Марсельезы».

Проходили сытые, упитанные, одетые по последней моде... проходили... и пели революционные песни.

Проходили рабочие... проходили... и с их уст срывались революционные гимны.

Что это? Не знаю.

Слишком счастливы, слишком упоены были рабочие для того, чтобы замечать, что написано на этих знаменах и кто идет с ними рука об руку. Слишком красно было все вокруг. Слишком весело и радостно переливались волны этого моря знамен с бесчисленными надписями: «Свобода!», «Свобода!», «Да здравствуют свобода, равенство, братство!»

И слишком глубоки были и слишком быстро катились эти волны для того, чтобы можно было разглядеть, из каких капель они составлены.

Но вот улегся первый порыв, и оглянулись люди. Неужели разгром организации левых революционеров в переводе на «автономно-сибирский» язык называется свободой? Неужели подавление рабочего класса

называется равенством, и неужели тесное сотрудничество всех предателей народов называется тем братством, о котором так сладко поют правители Сибири? Ау! Свободушка! Где ты?»

Оглянулись демонстранты. Оглянулся автор воззвания. Но в противоречиях не увяз: не та натура. Взвел курок.

«Трибуна», издателям которой только что удалось вырваться из застенка, оплакала одного из своих главных организаторов в стихотворении за подписью «Товарищ Федя»:

Жаль мне тех, чья гибнет сила
Под гнетущим игом зла,
Жаль мне тех, кого могила
Преждевременно взяла.

Тех бойцов с душою чистой,
Мысли доблестных вождей,
Что дорогою тернистой
Бодро к цели шли своей

Словом пламенным пророка,
Пробуждающим от сна.
Я скорблю о них глубоко,
Свято чту их имена.

Из некролога: «У нас выбыл один из передовых работников по организации трудовой молодежи, выбыл один из активных участников в издании газеты «Трибуна молодежи», редактор «Молодого бунтаря», издаваемого организованной им группой юных пропагандистов...» («Трибуна молодежи», 12 марта 1920 г.). Из газеты «Черное знамя» от 27 марта 1920 г.: «Снова засияли лучи свободы, а нашего товарища Володи нет: у кого не дрогнет сердце при этом имени?» И верно: у кого не дрогнет сердце, когда слышишь о таких людях? Я с раннего детства была охвачена пламенем романтики 1917-го и 1920-х, и в душе моей до сих пор звуки «Марсельезы» и знамен тех лет, независимо от их цвета. В том числе и белые, получившие нынче законное право на место в нашей истории. Тогда, в годы предкомсомола, имя им во главе с Владимиром Доманевским было — легион.

Репрессированному в 37-м Андрею Хрисанфовичу Цапурину зачли в «расстрельный» актив процесс поиска истины, зафиксированный на страницах «Трибуны молодежи». С предельной, исповедальной откровенностью Андрей не побоялся сказать все, что думали, но не всегда решались доверить бумаге его ровесники. Вот его биография: рабочая семья, церковно-приходская школа, осенью 1915-го Андрей Цапурин в возрасте 18 лет состоял в подпольном кружке «Юная Россия». В программе кружковцев — настоятельное требование обеспечить «кухаркиным детям» право на учебу. У Цапурина — склонность к сочинительству и задетое с детства социальной несправедливостью самолюбие. Крамольные листовки, «привод» в охранку, побег из Владивостока. Вернулся в 1917-м, поступил слесарем в Военный порт (одно из наименований Дальзавода, где мы с Афанасием Яковлевичем искали и успешно нашли уцелевшие

помещения, связанные с деятельностью СРМ). В августе, за несколько месяцев до залпа «Авроры», которого, как сейчас утверждают, в хрестоматийном смысле вроде бы и не было вовсе, под руководством Андрея Цапурина и его соратников начал формироваться Союз молодежи г. Владивостока. «Нашенский» журналист К.А. Харнский в своей послереволюционной брошюре давал тогдашней столице края характеристику, почти аналогичную описанию Свинына: «Здесь затевались всевозможные «спасения России» и не было недостатка в рецептах, планах и схемах. Старались до упаду эсеры, прожектерствовали кадеты, мычали монархисты, упражнялись в сверхлевизне забывшие этимологию и синтаксис необычайного вида анархисты и еще какие-то разных наименований свободолюбцы. «Красное знамя», маленькая газетка с крупным шрифтом, знакомила читателей с бытом Москвы по газете из Манчестера»⁷.

В такой обстановке кем и чем только себя не возомнишь, если тебе едва двадцать и душа жаждет настоящего дела и заслуженной славы! От партии победителей юноша Цапурин ждал немедленно, тотчас же «нашего нового мира». «Направление должно быть беспартийным!» — провозглашает редактор «Трибуны», разочаровавшись в «левых» и «правых». Анархист? Да: по-приморски. Расправы с большевиками приводят его в праведное негодование. Во втором номере «Трибуны» от 25 декабря 1917 г. появилась статья руководителя СРМ «Ответ чужому» за подписью «свой А. Цапурин», где автор в пароксизме полемического задора и не «свой» вовсе, непонятно чей. В журнале «Отблеск» (сколько же их тогда выходило в свет, этих полуграмотных листовок, именовавших себя то «журналами», то «газетами», не меньше, чем сейчас, в мрачные годы расцвета российского посткапитализма), издаваемом ученическим кружком в Никольске-Уссурийском, некто за подписью «Чужой» пытается «расшибить» Цапурина за большевизм, с которым СРМ, как утверждал Андрей, не имел ничего общего. «Г-н Чужой, Вы пишете, что Владивостокский Союз молодежи и его газеты пропитаны ярко большевистскими анархическими идеями. Напрасны Ваши слова о том: мы — дети труда и мы против разбивки и сортировки на какие бы то ни было партии». И тут же: «Я не являюсь большевиком, но скажу, что вы клевете на них совершенно напрасно».

Если учесть, что большевизм с его «анархическими» идеями в восприятии Цапурина равнозначен анархизму, то редактор «Трибуны», отрекшись от обеих партий, расписывается в симпатиях к ним.

В марте 1920 г. он опубликовал в 4-м номере «Трибуны молодежи» стихотворение «Учредилковский квартет» — слабенькое в литературном отношении, где низводил до карикатурного уровня большевика, севшего за многопартийный стол и жестоко побитого оппонентами. Не лучше большевика выглядели и остальные участники собеседования. В общем мы — против всех! Но в финале — назидание:

А вы, товарищи большевики-марксисты,
Не вздумайте опять играть в квартет,
Ведь вам давно уже твердили «утописты»,
Что от квартета пользы никакой вам нет.

8 ноября 1920 г. «молодежь Приморья входит в единую семью юношества России» (так было записано в резолюции первого областного съезда РКСМ). В состав областного комитета избрали Андрея Цапурина, попавшего затем в первые изданные под эгидой комсомола брошюры с ярлыком анархиста. В декабре 1921 г. Андрея арестовали как большевика. Когда красные заняли Владивосток, А. Цапурина выпустили на волю со справкой за подписью начальника тюрьмы: «Политзаключенный Андрей Цапурин освобожден из Владивостокской тюрьмы 23 октября 1922 года в связи с политическим переворотом» (этот документ попал к А.Я. Соснину от жены Андрея Прасковьи Цапуриной).

В последнем номере «Трибуны» редактор ее призывал «отсталых и заснувших» на время товарищей к «нормализации взаимоотношений между сходными партиями перед лицом интервенции» — и впрямь большевистский лозунг! Идеологическое становление Андрея Цапурина как партийца, будем считать, закончилось? Через без малого пару десятков лет процесс этого становления вменяют в вину правоверному работнику советской краевой номенклатуры.

В «Трибуне» (читай Союзе молодежи) зримо, как на экране, была отражена разногласия времени: какие только мнения, подчас или, вернее, зачастую, преисполненные внутреннего раздрая, не звучали! За подписью «Работница Аня»: «Разве наша обязанность — быть на фабриках и заводах? Нет! Наша обязанность воспитывать человечество. Наша обязанность быть с детьми тех людей, которые работают на фабриках и заводах, потому что ребенок только от женщины может получить воспитание» («Трибуна молодежи» № 1). Отстаиваем, значит, право на мелкобуржуазные «три «К»? А вот и нет: «работница Аня» призывает женщин вступать в Союз молодежи, чтобы «вести совместную борьбу за улучшение своего положения». При этом — совсем уж несуразное для «эмансипэ» заявление: «Не страшитесь и не стесняйтесь, что нам придется быть вместе с молодыми людьми на собраниях, ведь и они такие же смертные, как и мы». Или Аня — вовсе не из феминисток?

А. Корнев (видимо, все-таки Александр, после некоторых раздумий пришел к заключению Афанасий Яковлевич) упорно разрабатывал тему отцов и детей: старое поколение «не обращает внимания на молодежь». Одним из пунктов программного устава СРМ являлась борьба за право молодых работать по шесть часов в день без вечерних смен, чему, к глубокому возмущению защитников этого пункта, препятствовали «взрослые»: Обождите, говорят. А юные корреспонденты «Трибуны» желали для себя коммунизма «сейчас, сегодня и ни на минуту позже».

Рабкоры хулили кинематограф. Требовали в приказном порядке запретить лубочную литературу. Вдруг раздражались обильными слезами по поводу рабского труда рабочего. Заметка «К девушкам» во 2-м номере за подписью «Иерусалима Августа»: «Вступим в Союз! Ибо знамя Союза так же черно, как его членов жизнь. К свету и знанию!» Знамя СРМ, как уже говорилось выше, было зеленым. И вообще: что хотела сказать Иерусалима Августа?

Среди идеологически и грамматически смутных публикаций ослепительно вспыхивали воззвания Доманевского: антивоенные (см. «До конца!»), антирелигиозные, анти, анти. Много самиздатовских стихов. Таня Поверенных: «Тревожно мы ищем ответ, как лучше избежать несчастья». Семен Фурлет (иногда Фурлей):

Нам не нужно властей,
 Ни богов, ни судей,
 Мы от них много горя видали,
 И в Сибири порой
 Мы тяжелой киркой
 Груды золота им добывали.
 А теперь для себя
 Нам настала пора
 Добывать все, что нужно для жизни!
 («Песнь рабочего»).

Заметка за подписью Б. Артемьева: «Граждане! Вы говорите, что коршунами над обессиленной Россией были царь, барин и поп, а теперь — мироед, купец и проч. Нет, граждане, вы сами будете коршунами земли русской! Вы разбились на партии и доведете Россию до полного падения». Заметка называлась «Коршуны земли русской», ее, ей-Богу, не грех бы принять к сведению почти всем авторам «Трибуны» во главе с редактором. И попутно — о нас с вами очень современно подметил Б. Артемьев, выступая 25 декабря 1917 г. В фельетоне «Тоже поработали» за подписью «Андрюшка Лодырь» рассказывалось о делагах, избранных в правление от окраин Владивостока: они разворовали имущество Народного дома. На предвыборном собрании СРМ во время «разборки полетов» кто-то из членов правления Союза стащил баллотировочные шары, из-за чего одного правленца недовыбрали.

Газета и Союз молодежи г. Владивостока сошли со сцены одновременно, основная масса молодых из СРМ перешла в РКСМ. Потом в ВЛКСМ... И «Ау, свободушка, где ты!?»

¹ Соснин А.Я. Молодежь Приморья в партизанской борьбе // «Гражданская война на Дальнем Востоке (1918—1922). Воспоминания ветеранов». М., 1973. С. 294.

² Харнский К.А. Япония в прошлом и настоящем. Владивосток, 1928. С. 215.

³ Соснин А.Я. Молодежь Приморья... С. 294.

⁴ Дудченко Е. Из истории комсомола Приморья (1920—1922 гг.) Владивосток, 1960.

⁵ Стрюченко И.Г. К вопросу о некоторых закономерностях и особенностях становления комсомольской печати Дальнего Востока (1917—1922 гг.) // Материалы XIV науч. конф. Сер. филологии и журналистики. Владивосток, 1970. С. 71—80.

⁶ Дудченко Е. Из истории комсомола Приморья...

⁷ Харнский К.А. Япония в прошлом... С. 211.

SUMMARY. “The Tribune of Youth Organizations” is the title of the article written by journalist E. Bondareva. The author tells about the Union of Working Youth in Vladivostok and its Newspaper «Youth’s Tribune». The period of 1917—1920 is depicted.